

Темушев, С. Н. [Рецензия] / С. Н. Темушев // Российские и славянские исследования: науч. сб. / Белорус. гос. ун-т.; А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. — Минск, 2008. — Вып. 3. — С. 265–271. — Рец. на кн.: Юсова, Н. Н. «Давньоруська народність»: зародження і становлення концепції в радянській історичній науці (1930-ті — перша половина 1940-х рр.) / Н. Н. Юсова. — Київ: Стилос, 2006. — 620 с.

ЮСОВА Н. Н. «Давньоруська народність»: зародження і становлення концепції в радянській історичній науці (1930-ті — перша половина 1940-х рр.). 2-е вид., перероб. і доп. Київ: ВД «Стилос», 2006. 620 с.

Вопрос о характере и содержании этнического развития восточного славянства с начала 90-х гг. XX в. приобрел особое звучание. В России, Украине и Беларуси ученые и политики приступили к созданию собственных исторических концепций с акцентом на собственном национальном развитии. Не всегда новые концепции в полной мере соответствовали достижениям науки, однако они способствовали национальному возрождению в государствах, население которых воспитывалось на официальной идеологии о формировании в СССР единого советского народа. Проблема существования древнерусской народности и значения ее наследия для судеб восточнославянских народов оказалась наиболее дискуссионной. Часто дискуссии выходили за плоскость научных споров. Отрицание существования общего языка у населения Древнерусского государства (Киевской Руси), а тем более единого древнерусского этноса, приобрело характер аксиомы [1]. Древнерусская народность однозначно отнесена к разряду «имперских» мифов [2, с. 131—132].

К отрицанию существования древнерусской народности пришли и некоторые историки, выводы которых вливались в общую эйфорию отрицания «имперских» мифов. В Украине автором новой концепции этногенеза славян стал В. Д. Баран, который утверждал, что уже в ходе Великой славянской миграции V—VII вв. были заложены основы формирования современных славянских народов (в том числе восточнославянских). «Не было общерусской народности, — пишет В. Д. Баран, повторяя М. С. Грушевского, — не существует “общерусской истории”. Каждый из восточнославянских народов имеет право только на часть восточнославянского наследия и на ту часть восточнославянских земель, коренных или освоенных в процессе расселения, где жили его непосредственные предки» [3, с. 163]. В новейшем обобщающем труде по украинской историографии именно концеп

ции Барана отдается безусловный приоритет, при этом точка зрения о существовании древнерусской народности (например, члена-корреспондента НАН Украины А. П. Моци) признается дискуссионной [4, с. 114].

В современной украинской историографии предложены и более гибкие подходы к проблеме существования древнерусской народности, не сводящиеся к прямому ее отрицанию. Так, А. П. Толочко взял «на вооружение» концепцию нации как «воображенного сообщества» Бенедикта Андерсена. В представлении английского исследователя, нации появляются не вследствие причин «естественного» порядка (видимо, этнополитического и социально-экономического развития), а в результате процесса воображения представителями этих общностей своего единства. Такой «воображенной общностью» и предлагает видеть древнерусскую народность украинский историк, требуя отказаться от «распространенной в литературе этнизации этого понятия», то есть «понимания ее как реального “народа”, непременно

скрепленного единством биологического происхождения, лингвистически и культурно однородного». Критикует Толочко и трактовку древнерусской народности, как еще одного летописного «племени», только разросшегося до пределов всей Руси [5, с. 115—116]. Но такое понимание, несмотря на утверждение автора, не столь широко распространено в литературе.

Автор раздела упомянутой «коллективной монографии» украинских авторов, возможно, в чем-то прав, утверждая, что проблемы древнерусской народности не существует ни в советской, ни в современной российской историографии [4, с. 115]. Действительно, в российской науке нет такого категорического отказа от разработанной несколькими поколениями исследователей схемы этнического развития восточного славянства, как это можно наблюдать в современной украинской и (в меньшей степени) белорусской историографии. В то же время наличие различных подходов к проблеме было очень хорошо продемонстрировано в 1-м томе научного журнала Института истории НАН Украины «Ruthenica». Здесь были размещены статьи современных российских, украинских и белорусских историков, в том числе и Н. Н. Юсовой [6, с. 152—163]. Эта и ряд других публикаций [7; 8] свидетельствуют о неослабевающем интересе к проблеме древнерусской народности.

Рассматриваемая в данной рецензии работа Н. Н. Юсовой представляет собой переиздание ранее опубликованной в Виннице под другим названием монографии, на которую уже имелся ряд рецензий [9; 10; 11; 12]. Это несколько облегчает нашу задачу, избавляя от обстоятельного анализа содержания и выводов. В целом монография Юсовой была принята положительно и даже восторженно. Так, утверждалось, что она «практически исчерпала тему» и что эту работу «можно считать серьезным вкладом в историю исторической науки». Но прозвучала и критика. Так, В. В. Пузанов указал на некорректные оценки исследовательницей работ российских исследователей, которые, якобы, в подавляющем своем большинстве (!) стремятся «украсть» у украинцев древнерусское наследие. К сожалению, обобщенный, не всегда объективный взгляд на российскую историографию присутствует и в новом издании труда Юсовой. Не всегда корректной выглядит и оценка белорусской историографии (на это указывал в своей рецензии и Г. Саганович) [11, с. 405; 12, с. 272, 277]. Отклики на труд Юсовой в большей степени обращают внимание на его достоинства, которые, на самом деле, весьма существенны. Тем не менее рецензируемая монография не лишена и ряда недостатков. Надеемся, что акцентированный анализ именно спорных положений монографии окажется *конструктивным* в плане последующего изучения проблемы.

Некоторые сомнения возникают уже по поводу названия монографии, из которого можно понять, что зарождение «концепции древнерусской народности» происходит в советской исторической науке и именно в хронологические рамки 1930-х — первой половины 1940-х гг. Это не совсем так, о чем не раз отмечает сама Юсова и, что характерно, в ее монографии значительное место отводится взглядам на этническое развитие восточных славян дореволюционных исследователей. Более того, в середине 1940-х гг. (то есть с появ

лением монографии В. В. Мавродина «Образование Древнерусского государства») не завершается процесс формирования концепции древнерусской народности. Статус доминирующей она приобрела только с середины 1950-х гг. (на это указывает сама Юсова, например, в монографии на с. 20 и в своих статьях) [13]. Остается впечатление незавершенности предпринятого Н. Н. Юсовой исследования.

В предисловии автора ко второму изданию последнее мотивируется тем, что первое издание вышло незначительным тиражом, а тем не менее сохраняется необходимость разоблачения определенных

устоявшихся штампов или клише (с. 12). В предисловии Юсова в полной мере проявляет себя как корректный исследователь: она указывает на внесенные во второе издание дополнения, с благодарностью принимает критику и рекомендации коллег и утверждает, что абсолютно открыта для дальнейшей дискуссии. Но уже с первых слов предисловия автор демонстрирует весьма своеобразное понимание «предметной сферы исторической науки», а именно как арены интеллектуальных баталий различных национальных историографий, дуэль представителей разных научных школ и направлений. И в развитии исторической науки в целом, и в осмыслении проблемы происхождения восточных славян и их дальнейшего этнического развития автор видит лобовые столкновения противоположных концепций, парадигм, дискурсов, интенций и т. д. (с. 18). Понятно, что в споре рождается истина. Но все же представляется, что в данном случае был определен предмет историографии истории, в русле которого и работает исследовательница. К сожалению, на страницах монографии Юсова чаще всего выступает именно как историограф, а не историк.

В разделе, посвященном историографии исследуемой Н. Н. Юсовой темы, исчезает корректность и взвешенность. Прежде всего это заметно в рассмотрении работ современных авторов. Видится совершенно некорректным предложенное Н. Н. Юсовой рассмотрение достижений современных исследователей. Может показаться, что в понимании молодой украинской исследовательницы ценность того или иного историографического обзора заключается в том, делаются ли ссылки на ее работы. При этом Юсова прямо обвиняет академика П. П. Толочко, не одно десятилетие занимающегося проблемами древнерусской истории, в том, что он заимствует из ее работ идеи, наблюдения, положения и выводы. Очень странным выглядит замечание исследовательницы, что «украинскому исследователю надлежало бы» (с. 42) более глубоко изучать историографию проблемы этногенеза восточных славян (главным образом, видимо, труды Н. Н. Юсовой). Н. Н. Юсова совершенно справедливо критикует точку зрения Л. Зализняка на формирование теории «древнерусской народности», поскольку тот совершенно отрицает наличие «какой-либо научной составляющей в генезисе концепции» (с. 44). Однако и в данном случае Юсова опускается до обсуждения, в какой степени Л. Зализняк использовал ее работы, ошибочно или правильно их интерпретировал. В целом нужно отметить, что ожидаемого объективного, беспристрастного анализа достижений историографии последних 50 лет в монографии не получилось.

Составляющий значительную часть монографии 2-й раздел посвящен рассмотрению взглядов исследователей XIX — первой трети XX в. на проблему происхождения восточнославянских народов. Автор отмечает, что взгляды историков 30—40-х гг. XX в., когда теория древнерусской народности была окончательно оформлена, возникли не на пустом месте. В то же время при чтении данного раздела, охватывающего довольно значительный временной промежуток, возникло ряд вопросов, а именно: удалось ли автору показать преемственность взглядов историков, насколько связаны были изменения взглядов на этнические процессы в Восточной Европе с развитием исторической науки, совершенствованием ее методологии и расширением источниковой базы (прежде всего за счет археологических исследований); было ли продемонстрировано, насколько значимыми являлись археологические открытия в изменении взглядов на этническое развитие славянства; выявлены ли вненаучные факторы, которые оказывали решаю

щее воздействие на развитие взглядов историков данного периода. Не на все эти вопросы был дан ответ.

Очень удачно Н. Н. Юсова начинает 2-й раздел с рассмотрения «терминологическо-понятийного лексикона в этнонациональной сфере гуманитарной науки» в конце XIX — первой трети XX в. Данные

дефиниции взяты главным образом из словарей или энциклопедий. Начало XX в. — время переломное, критическое для развития исторической науки — представлено цитатой из вступительной лекции университетского курса А. Е. Преснякова, полемической статьей украинского историка И. Линниченко и статьей 1913 г. Сталина, тогда еще не являвшегося «великим руководителем ВКП(б) и СССР» (как указывает автор). Неуместными выглядят неожиданные (в данном контексте между взглядами Линниченко и Сталина) размышления о понимании нации социологами-философами Э. Дюркгеймом, М. Вебером и П. Сорокиным, а тем более современными авторами К. Галушко и Б. Андерсеном. В том же подразделе автор, указывая, что в обозначении всех восточных славян преобладало выражение «русский народ», справедливо отмечает его неудачность (ассоциируется с российским народом). Тем не менее не лишним было бы объяснить, почему именно этот термин получил наиболее широкое распространение.

Перейдя к следующему подразделу о генезисе парадигмы «единой русской народности», Юсова несколько однобоко видит истоки этого понятия только в украинских материалах и реалиях XVII в. (Густынская летопись, киевский Синописис, стремление православной элиты Гетманщины донести свое «русское» происхождение и православную идентичность до Москвы (с. 69).

Между тем идеологическая составляющая в формировании представления о единстве «русского народа» (россиян, украинцев, белорусов) со стороны Московского государства очевидна. Вряд ли возможно вслед за американским исследователем Э. Кинаном, сборник статей которого уже дважды был опубликован в Киеве (в 2001 и 2003 г.), отрицать существование идеологических обоснований экспансии московских правителей на восточнославянские земли. Представление о единстве восточных славян, хорошо прослеживаемое в летописании, продолженном в Северо-Восточной Руси, являлось достоянием не только узкой элитарной группы культурных деятелей. Нельзя признать обоснованным выдвигаемый Э. Кинаном тезис о решающей роли украинских и белорусских эмигрантов, «как культурных посредников и носителей новой идеи славянского единства» [14, с. 63—64]. Идея эта была не нова и тем более не могла она появиться только благодаря украинским или белорусским эмигрантам, наводнившим, по Кинану, Московское царство после периода Смуты. Как бы ни было велико желание Э. Кинана убедить в крайней неразвитости политической или религиозной культуры Московской Руси XVI—XVII вв., серьезные исследования показывают относительное единство православной книжности (на уровне ученой, книжной культуры). И даже «украинское национальное возрождение» 1580—1610 гг. находит истоки, в том числе, в прервавшихся в России культурных начинаниях [15, с. 11—13, 16]. Пропагандистский мотив восстановления прежнего киевского единства, несомненно, присутствовал в обосновании экспансии московских князей на соседние «русские княжества». Другой идеологический мотив — признание московских правителей защитниками общенациональных (российских, украинских и белорусских) интересов в борьбе с татарами — также имел место в ходе «собирания русских земель» Москвой.

Не всегда соблюдается стройность и полнота при анализе истоков и развития парадигмы «единой русской народности». Возникает вопрос, почему не были рассмотрены взгляды М. М. Щербатова, Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского. Позднее Юсова вынуждена была обратиться к некоторым положениям упомянутых историков, но обобщенного, системного анализа их взглядов не было. При этом взгляды Н. И. Костомарова рассматриваются в отдельном подразделе, что исследовательница объясняет оригинальностью его взглядов (с. 73). Однако не менее оригинальными были взгляды В. О. Ключевского.

Необходимо признать блестящим анализ украинской исследовательницей взглядов А. А. Шахматова в их развитии. Тем более бросаются в глаза некоторые недоразумения. Так, изменение взглядов Шахматова по поводу происхождения «малорусского» языка и единства «русского» языка в древнерусский период Н. Н. Юсова объясняет политическими соображениями (либерально-кадетской направленности, поскольку ученый был членом партии кадетов). Коррекция положений Шахматова сводилась к тому, что «малорусский» язык (или наречие), как и другие «русские» языки, он стал выводить из общерусского праязыка, т. е. догосударственной эпохи восточных славян (с. 83). Но в какой мере это соответствует либерально-кадетской программе?

Большое внимание автор уделяет взглядам М. С. Грушевского. Однако в отличие от очерка о концепции Шахматова в обзоре взглядов крупнейшей фигуры в украинской историографии можно отметить отсутствие какой-либо эволюции. Именно на примере Грушевского можно было показать воздействие на научные взгляды ученого его общественно-политической позиции. По сравнению с Шахматовым — членом партии кадетов — Грушевский вел гораздо более активную политическую жизнь. При этом нужно отметить, Грушевский не имел никакого отношения к формированию концепции древнерусской народности. Однако Юсова не только уделила ему значительный объем своего труда, но и концепции ряда исследователей (В. И. Пичеты, М. К. Любавского, М. Н. Покровского, А. Е. Преснякова и др.) рассматривала сквозь призму отношения к «схеме» М. С. Грушевского.

Общее впечатление о 2-м разделе, посвященном историографии проблемы этнического развития восточных славян, как разрозненном сборе отдельных очерков, связанных между собой только общей темой, сохраняется и далее. Случается, Юсова и вовсе забывает о теме исследования, уделяя чрезмерное внимание другим проблемам (разоблачение ошибочного мнения о следовании Пресняковым схеме Грушевского).

3-й раздел посвящен научным и политико-идеологическим предпосылкам возникновения концепции древнерусской народности. Здесь автор в наибольшей степени предстает именно как историограф, а не как историк. Создается впечатление, что не было работы с источниками, не было новых археологических открытий, а было только заимствование идей, как будто возникших на пустом месте, точнее, в сознании того или иного исследователя. Юсова пишет, что именно по политико-идеологическим мотивам была отброшена концепция М. С. Грушевского (будто бы Киевское государство было создано только украинской народностью), а также великодержавная концепция российских историков (про Киевскую Русь как начальный период истории только русского или «триединорусского» народа). Кстати, последнее довольно слабо представлено у

российских историков. Сама Юсова называет только М. Н. Погодина. Но главное — не говорит о научной несостоятельности этих концепций и большем соответствии исторических источников как раз концепции древнерусской народности. Не зря, что и отмечает Юсова, эта концепция начинала пробивать себе дорогу благодаря разработкам как российских, так и украинских и белорусских историков. В выводах к разделу автор совершенно верно отметила, что «советская парадигма не является чем-то принципиально новым, а в значительной мере является развитием взглядов предшествующих историков» (с. 177) и «пересмотр крайностей двух традиционных концепций (русской и украинской) соответствовал объективной логике развития исторической науки» (с. 178). Однако, в какой мере строго научные предпосылки оказали воздействие на эволюцию представлений об этнических процессах в Восточной Европе и какими научными (не идейно-политическими!) факторами была обусловлена логика развития исторической науки, Юсова ответа не дает.

Представляется, что роль украинских историков В. Липинского и С. Томашевского, как и М. Кордубы (им посвящены подразделы 3.1.1. и 3.1.2), в формировании официальной советской концепции этнического развития восточных славян сильно преувеличена. Более того, Томашевский вообще не высказывался

относительно этнического характера Киевской Руси (это делает за него Юсова методом экстраполяции) (с. 124).

Раздел IV хронологически совпадает с предыдущим. Есть и содержательное сходство — и в 3-м разделе шла речь об исследованиях этногенеза восточных славян и начале (точнее, продолжении) формирования концепции древнерусской народности (вторая половина 30-х — начало 40-х гг.). Как раз в этом разделе научные факторы представлены более полно. Однако спорной представляется утверждаемая Юсовой непосредственная связь между господствовавшей в 20-х — начале 30-х гг. глоттогенетической теорией Н. Я. Марра и концепцией древнерусской народности (с. 191). По крайней мере, истоки концепции древнерусской народности глубже. Да и к моменту выработки концепции глоттогенетическая теория уже потеряла значение единственно верного марксистского учения (об этом неоднократно пишет сама Юсова, например, на с. 190). Более того, ее активная разработка началась в советской науке как отрицание вульгаризации этнических процессов у Марра.

Некорректным представляется название подраздела 4. 2. — «Начало формирования концепции о древнерусской народности» (с. 222). Что представляло в таком случае все предшествующее развитие исторической науки в восточноевропейском регионе, на чем так подробно останавливалась автор? Удивление вызывает и начало подраздела 4. 2. 1: «Во второй половине 1930-х гг. в исторической литературе начинают появляться первые замечания относительно этнического единства восточных славян древнерусского периода в понимании единого народа» (с. 222). Как будто в более ранний период таких замечаний не было.

Из излагаемого украинской исследовательницей материала можно сделать вывод, что само значение понятия «древнерусская народность» уже неоднократно появлялось в работах историков и до В. В. Мавродина, заслуга которого заключается в предложении удачного термина. На примере взглядов В. И. Пичеты (с. 239) сама Н. Н. Юсова это демонстрирует.

Представляется, что во многом проблема древнерусской народности — это проблема терминологии. Рассматривая взгляды академика Б. Д. Грекова, Н. Н. Юсова отмечает, что тот не считал вопросы о едином русском народе Киевской Руси чем-то принципиально новым, поэтому и не делал специальной его постановки, как новой исследовательской проблемы (с. 229—230). Это действительно так.

В связи с последним замечанием разрешается устойчивое недоумение, которое возникает у читателя монографии Юсовой и особенно ее статей, по поводу фигуры основателя концепции древнерусской народности. На страницах книги таковыми называются А. А. Шахматов, А. Е. Пресняков, Б. Д. Греков, В. И. Пичета, Н. Л. Рубинштейн, А. Д. Удальцов, М. С. Державин и др. Возникновение концепции древнерусской народности — это закономерный итог развития исторической науки, важнейшей основой которой являются источники, на основании которых и делался вывод об этническом единстве населения Киевской Руси. К такому выводу исследователи могли прийти самостоятельно, поэтому неправомерно обнаруживать заимствования идей там, где их могло и не быть. Представляется, что в 5-м разделе — наиболее важной части работы Н. Н. Юсовой — последовательно проводимая ею мысль о заимствовании идей не всегда обоснована.

Заключительный раздел монографии в еще большей степени напоминает сборник отдельных очерков, или собрание под одной обложкой разновременных статей автора. При этом содержание отдельных подразделов не всегда строго выдержано — присутствуют повторы, отвлечения от заявленной темы. Это видно на примере подраздела 5. 2. 2, который посвящен развитию взглядов на «русский народ» в трудах Б. Д. Греков. Во-первых, о взглядах советского академика читатель уж мог получить представление из других подразделов монографии, а во-вторых, в самом подразделе речь идет не только о научной позиции Б. Д. Грекова. Многочисленные повторы встречаются и в важнейшей части рецензируемой работы, посвященной концепции В. В. Мавродина.

Формирование концепции древнерусской народности происходило не только в области идей, но и в результате развития исторической

науки, накопления ею информации и расширения источниковой базы, совершенствования методологических приемов и разработки понятийного аппарата. Представляется, что не всегда автор в должной мере обозначила эти моменты в своей монографии.

В целом проделанная Н. Н. Юсовой колоссальная работа вызывает только восхищение. Можно позавидовать смелости автора, которая задумала и осуществила сначала в ряде статей, а затем и в отдельной книге грандиозный труд по историографии проблемы генезиса концепции древнерусской народности. Но содержание работы Юсовой еще более широкое: практически в ней рассматриваются мнения историков XIX — первой половины XX в. по различным вопросам этногенеза восточных славян и этническим процессам в Древней Руси. Нужно отдать должное умению автора четко интерпретировать мнения различных исследователей, находить их своеобразие, определять внешние факторы, которые оказали существенное воздействие на формирование того или иного научного представления.

Работа Н. Н. Юсовой, несомненно, стала событием в исторической науке. Действительно, появление этого фундаментального историографического исследования имеет как важное научное значение, так и злободневное общественно-политическое звучание [11, с. 404].

ЛИТЕРАТУРА

1. Мартынаў, В. У. Канцэпцыя трохмоўнае калыскі не вытрымлівае крытыкі / В. У. Мартынаў // Наша слова. 1994. № 9. 2 сакавіка.
2. Грыцкевіч, В. Гісторыя і міфы / В. Грыцкевіч. Мінск, 2000. Раздел книги, посвященный разоблачению мифа «древнерусской народности», красноречиво назван «Старая, старая сказка».
3. Баран, В. Д. Давні слов'яни / В. Д. Баран. Київ, 1998.
4. Українська історіографія на зламі XX і XXI століть: здобутки і проблеми / ред. Л. Зашкільняк. Львів, 2004.
5. Толочко, А. Воображенная народность / А. Толочко // RUTHENICA. Зб. наук. пр. Т. I. Київ : Ін-т іст. України, 2002.
6. Юсова, Н. Проблема давньоруської народності в праці В. В. Мавродіна «Образование Древнерусского государства» (1945 р.) / Н. Юсова // RUTHENICA. Зб. наук. пр. Т. I. Київ, 2002.
7. Седов, В. В. Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование / В. В. Седов. М. : Языки русской культуры, 1999. 320 с.
8. Толочко, П. П. Древнерусская народность: воображаемая или реальная / П. П. Толочко. СПб. : Алетей, 2005. 218 с.
9. Моця, А. П. [Рец.]: Н. Юсова. Генезис концепції давньоруської народності в історичній науці СРСР (1930-ті — перша половина 1940-х рр.). Вінниця, 2005. 545 с. / А. П. Моця // Славяноведение. 2006. № 5. С. 75—78.

10. Пузанов, В. [Рец.]: Юсова Н. Н. Генезис концепції давньоруської народності в історичній науці СРСР (1930-ті — перша половина 1940-х рр.). Вінниця, 2005. 545 с. / В. Пузанов // Слов'янські обрії: Міждисциплінарний збірник наукових праць. Вип. I / НАН України; Український комітет славістів; Нац. б-ка України ім. В. І. Вернадського. Київ : Науково-видавничий центр НБУВ, 2006. С. 578—583.

11. Пузанов, В. В. [Рец.]: Юсова Н. Н. Генезис концепції давньоруської народності в історичній науці СРСР (1930-ті — перша половина 1940-х рр.). Вінниця, 2005. 545 с. / В. В. Пузанов // ROSSICA ANTIQUA: Исследования и материалы. 2006. СПб. : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2006. С. 401—405.

12. Сагановіч, Г. [Рец.]: Юсова, Наталія. Генезис концепції давньоруської народності в історичній науці СРСР (1930-ті — перша половина 1940-х рр.). Вінниця, 2005. 545 с. / Г. Сагановіч // Беларускі гістарычны агляд. 2005. Т. 12. Сш. 1—2 (22—23). С. 270—277.

13. Юсава, Н. «Старажытнаруская народнасць»: легітымацыя паняцця / Н. Юсова // Беларускі гістарычны агляд. 2005. Т. 12. Сш. 1—2 (22—23). С. 3—19.

14. Кінан, Едвард. Російські історичні міти / Е. Кінан. Вид. 2, випр. і доп. Київ : Критика, 2003. 255 с.

15. Дмитриев, М. В. Православная культура Московской и Литовской Руси в XVI в.: степень общности и различий / М. В. Дмитриев // Белоруссия и Украина: история и культура / Б. Н. Флоря (гл. ред.). М. : Наука, 2003. С. 9—29.

С. Н. Темушев, доцент кафедры истории России БГУ,
кандидат исторических наук